

Алексей Степанов

Иллюстрации Сергея Тюнина

Алопеция

Ты, Ирискин, на должности не засиделся?

— А что, вакансии на повышение есть, Михал Давыдыч?

— Губы-то не раскатывай,

Ирискин. Ты за последние два года что хорошего сделал, а?

— Ну как же, Михал Давыдыч, четыре отчета! А патенты, а статьи?

— А продавать мы отчеты будем, да? Вот ты с этих продаж и заработаешь, Ирискин! Как раз одну фигу. Без масла. А должность тебе светит, Ирискин. Только малодеходная — клиента биржи труда.

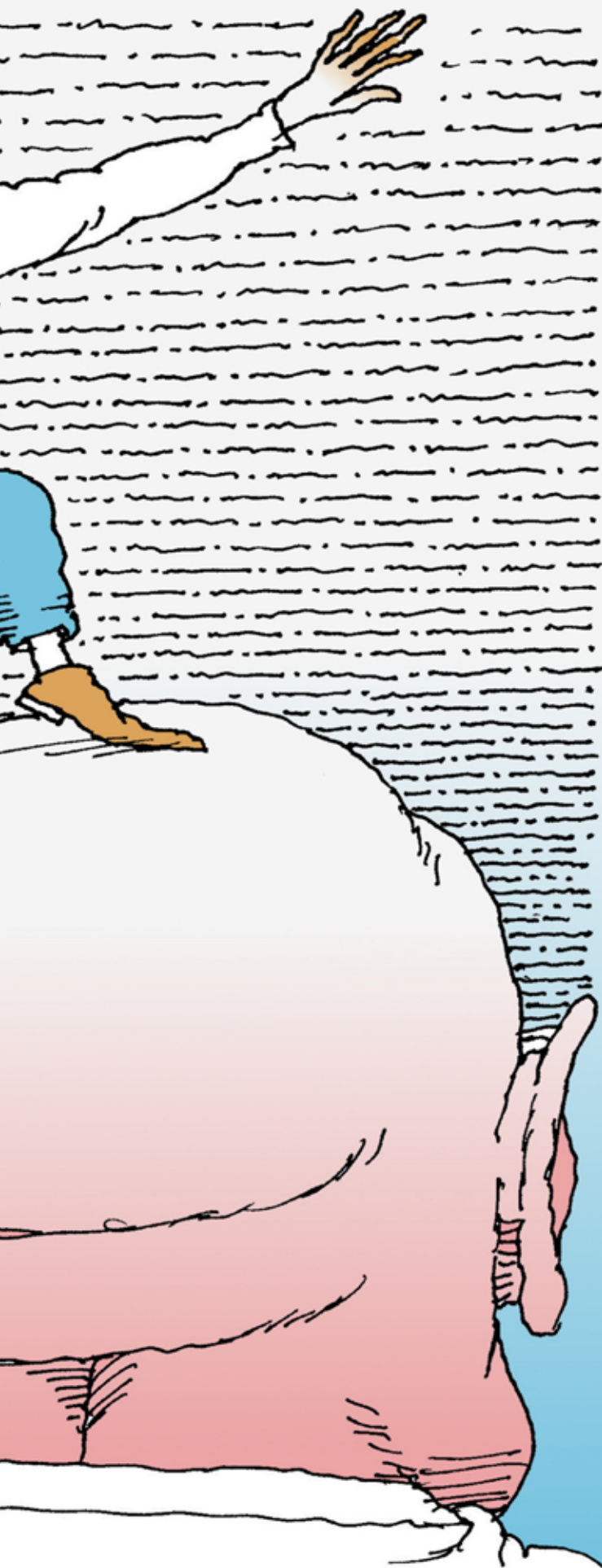
Вот ведь гад, знает, чем зацепить. Манагер, сука мажорная. Как будто не ведает, что от разработки до внедрения новой косметики проходит минимум десяток лет. Козел плешивый.

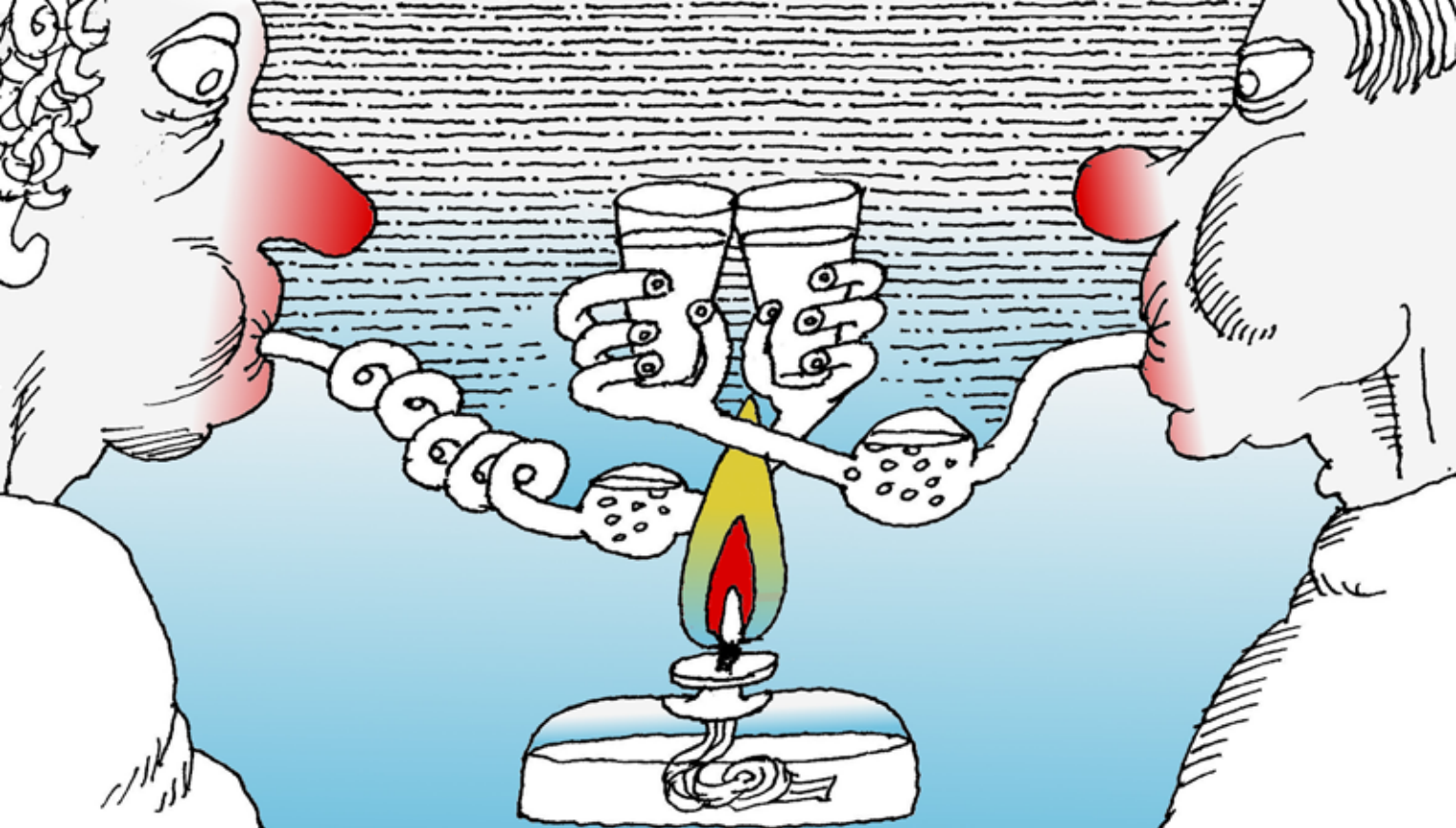
Я шел в свою лабораторию, а мысли двигались по привычному кругу: стволовые клетки, гиалуроновая кислота, ботокс — и далее, как в сказке про белого бычка, и ни малейшего просвета. Еще и манагер Михаил Давыдович Родионов, кабан тухлый, посверкивал перед мысленным взором ранней обширной лысиной.

Я накручивал себя, разжигая праведный гнев, вслед за которым должен был состояться пароксизм нравственной правоты: «Как требовать, так все горазды. Идею роди; нужное синтезируй; результаты на-гора выдай; в клинике проверь; технологию наладь — а он, хрен с горы, что делает? Зарплату получает, гнида лысая? А кто будет реактивами обеспечивать, Пушкин, что ли? Командировку в Париж и ту зажал, скупердяй. Сам поехал. А что ему там делать? Устриц жрать?»

Откровенно говоря, и сам был не против реализации джентльменского набора: пройти под Триумфальной аркой, взглянуть на город с Эйфелевой башни, увидеть Елисейские Поля. Да и устриц глотать как-то не приходилось. Но праведный гнев, как известно, со справедливостью не в родстве.

На пересечении двух коридоров стояли Сам и Селюков, его зам по снабжению. Я, было, попытался сделать вид, что забыл что-то, и уже развернулся, чтобы рвануть в обратном направлении, как услышал рык:

— Конфеткин!

— Да, Юрий Артемыч... Я Ирискин.

Конфеткин — это у них такая дежурная шутка, у начальства. Вот же...

— Ну что, как дела, Ирискин?

— Нормально, Юрий Артемыч.

— Все пишешь, писатель?

— Пишу, Юрий Артемыч. Диссертация почти готова.

— А я вот что решил, Ирискин. Как там она у тебя называется?

— Физико-химические основы направленного синтеза душистых веществ для косметологии. Там еще...

— Да знаю, знаю. Ты вот что, Ирискин. Мы тебе разрешение на защиту не дадим, потому что толку от этой работы для фирмы нету. Вот сделаешь что-то, от чего навар будет, — тогда защищайся себе хоть до посинения. А пока не обессудь. Иди, Ирискин, работай.

Ну почему так жизнь устроена? Хам на хаме, жлоб на жлобе, неучи и бездари — а сидят в той позиции, с которой удобно гадить на голову. И, что характерно, холеные, пузатые, мордатые и лысые. Все лысые. Поголовно. Блещат, понимаешь, репами. Небось когда бреются, смотрятся в свои лысины, как в зеркало в зеркале.

Эта картина на миг предстала перед моим внутренним взором, сразила наповал и тут же исчезла по причине полной нереальности. Но что-то в ней было такое... Многообещающее.

Дальше день пошел в ощущении предстоящего полного облома. Дела не клеились, чай не пился, и даже лаборантка Нонна не радовала изящными обводами корпуса. Я плюнул и решил: пойду к стеклодувам и напьюсь.

О, мир стеклодувов, наполненный шипением газовых горелок, щелчками лопающихся стеклянных пузырей и висящими после этого в воздухе радужными стеклянными пленками! О, запах выгорающего в оснастке под раскаленными заготовками дерева! А расставленные там и сям на стеллажах с трубками и штапиками невероятные безделушки, сработанные от скуки! А неторопливая болтовня людей, знающих себе цену и умеющих сделать, скажем, трехстенный дюар или холодильник-елочку! Но вершина всего — обязательная и неистребимая готовность выпить в любое время, а также умение вдохновиться на выполнение самого невозможного, самого фантастического и совершенно непланового, лишь бы за это была наполнена спиртом до метки стоящая наготове колба — да не каким-нибудь, а ректификатом!

Я прихватил с собой должное количество спирта, купил в буфете пару коробок салатов, карандаш твердой колбасы и двинул к стеклодувам.

Оба рыцаря горелки были на месте. Нюх у них был фантастический. Борис Иванович немедленно повел здоровенным пористым форштемнем, проникся и пододвинул мне высокий рабочий табурет. Сергей Сергеич придвинулся сам. Разбавляли клюквенным морсом, пили из фирменных стаканчиков — неказистых с виду, зато доньшки у них были расписаны изумительными узорами из кобальтовой и рубиновой нити, и в узоры сии были вплетены фамилии владельцев.

Вот чего я не мог никогда понять: почему эти умельцы торчали в нашей убогой конторе? Неужто не могли кустарно делать свои поделки на продажу? Ведь каждому такому стаканчику цены нет!

Мы пили, закусывали, снова пили, и душа потихоньку начинала отмякать. Два моих собутыльника (притом, что бутылки как раз и не было) составляли чудесную компанию, в которой никто никого не подсиживал, а интересы гармонично сочетались, устремляясь к одному: наклюкаться.

Первый из моих застольников, Борис Иваныч — рослый, мосластый, лет шестидесяти, с роскошной седой шевелюрой, был обряжен в свой обычный вечно прожженный халат. Плечи халата обильно припудривала перхоть. Второй, Сергей Сергеич, был помоложе. Но его прическа тоже оставляла серые следы поверх синего сатина, прикрывавшего худосочные плечи.

Я наклонился к Борис Иванычу и провел ладонью по плечу.

— Что, не нравится?

Я смутился:

— Да мне по барабану. Хошь, я вам обоим по тюбику средства от перхоти принесу? За счет конторы. У меня от прежней серии опытов осталось.

— На фиг нужно, Петрович! Мой дед в девяносто помер — вот такой же волосатый, только чуток поседел — и все. А начнешь мазать башку этой вашей хреновенькой и облысеешь, как директор. Вон они все, что генеральный, что замы, что в снабжении, — не головы, а задницы. А все от вашей косметики, мать ее в гроб!

Сергей Сергеевич согласно кивал. А и в самом деле, все наше начальство всю пользовалось косметикой компании. Говорят, так распорядился Сам. Злые языки уверяли, что делалось это даже не из корпоративной солидарности и не во исполнение приказа Самого, а просто из-за возможности купить снадобья со скидкой.

Между тем алкоголь возымел-таки желаемое действие. Лица собутыльников начали расплываться, голоса сделались гулками, а слова слились в бессодержательный шум. Я любил их, моих стеклодувов, а они, ясен перец, уважали меня. Здесь, в стеклодувке, был остров, на котором спрятались от мира под слоем перхоти три волосатых праведника, а там, вовне, готовили нам козни толстомордые и отвратительно лысые мерзавцы. А из этого следовало одно: пора заканчивать посиделки и топать домой.

Распрощавшись, я направился в свой кабинетик. Он был в конце коридора, прямо за поворотом. Но невезуха не оставила меня и теперь — сразу за углом я воткнулся прямо в пузо Селюкову. Тот криво ухмыльнулся, блеснул под светом плафона лысиной, шумно втянул носом воздух и важно прошествовал дальше. «Вот ведь незадача, завтра точно на планерке Самому расскажет, что видел меня подшофе. Чтоб у них у всех лысины треснули, у долбоголов».

Я заперся у себя. Опьянение уже перестало радовать, зато головная боль и приступы тошноты готовились перейти в атаку. Досада на Селюкова побуждала совершить что-нибудь неразумное: набить ему морду (куда мне, тощему дохляку, против его телес); нагадить

под дверью отдела снабжения (фу-у-у, а еще интеллигент, пенсне дома примерял); пойти и так прямо и сказать, ты, мол, Селюков, чмо и лысый. Лысый, лысый, бе-е-э-э...

Пошло. Пошло и некрасиво. А завтра, стало быть, уволят. Но это, конечно, вряд ли, толковых химиков у них больше нет, но, как минимум, будут чморить долго и с наслаждением.

Я вздохнул, достал лист бумаги и ручку, решив написать заявление по собственному. Пусть уговаривают, чтобы остался. Пусть в ногах ползают, лысынями об пол стучат.

И я начал писать. Между тем рука сама выводила на бумаге нечто несуразное. Текст был примерно таков:

Генеральному директору

Самгину Ю. А.

Служебная записка

В текущем квартале в порядке личной инициативы мною была выполнена работа по изучению причин и механизмов возникновения и развития алопеции. Убедительно показано, что средства против перхоти вызывают иссушение волосяных луковиц и прогрессирующее облысение. Наоборот, обильная перхоть способствует стабильному существованию микрофлоры кожных покровов, нормализации гормонального фона и даже восстановлению шевелюры в случаях, зашедших не слишком глубоко.

В настоящее время наши конкуренты из отрасли косметической хирургии получают огромные прибыли от трансплантации волос. Одна операция по пересадке собственной кожи клиента из подмышек или паховой области приносит столько же прибыли, сколько трехмесячная продажа наших средств от перхоти. Мы сами кормим своих конкурентов.

На основании изложенного, прошу:

1) Предусмотреть в годовом плане финансирование работ по изучению связи перхоти с профилактикой и лечением алопеции (развернутый план будет представлен Вам в течение трех дней).

2) Дать указание начальнику отдела снабжения Селюкову Д. А. о срочном приобретении для использования в работе отдела 2 (двух) килограммов перхоти марки «Ч» или «ЧДА», не нормализованной, не термообработанной, натуральной.

Нач. отдела душистых веществ и полупродуктов

Ирискин Виктор Петрович

С некоторым недоумением прочитал написанное, ухмыльнулся, представив рожи читающих этот бред Самого и Селянкина, и отнес листок секретарше — та еще была на месте. Там я демонстративно положил служебную на стол, громко стукнул по нему ладонью и воскликнул: «Вот!» Сей возглас означал, разумеется, кураж и внутреннее превосходство.

Ночь прошла дурно. При всей лихости моего демарша, последствия его представлялись печальными — кому нужен химик средней руки, среднего здоровья и с посредственным послужным списком? Жена беспечно сопела рядом, светил в окно проклятый фонарь, а я то ворочался, то вставал, чтобы выпить чего-нибудь от изжоги, то начинал клясть жестокий мир, наполненный бездушными лысыми здоровяками, то проваливался в сон, в котором Сам злорадно протягивал мне дворницкую метлу и рокотал: «Иди и работай, Ирискин!»

Утром я рванул на работу, даже не позавтракав, в надежде забрать в приемной свою служебную, но рок продолжал издеваться надо мной. Он оборвал контактную сеть, потом коварно столкнул машину гаишника и иномарку на пути моего троллейбуса, и в контору я заявился только к половине десятого.

Я сидел в своем кабинетике, бездумно перебирая какие-то бумажки, и ожидал неизбежного. И оно произошло: злокозненный рок голосом мобильного ехидно пропиликал победную увертюру, и секретарша возвестила, что Сам ждет. Я поплелся, копируя походкой собаку, пойманную на краже хозяйских кур.

В кабинете генерального, кроме Самого, присутствовали зам по науке, менеджер Родионов и снабженец Селюков. Я встал в дверях, съезжившись и непроизвольно прикрываясь руками, как футболист во время штрафного.

Сам привстал:

— Ну, Ирискин, порадовал! Ведь можешь же, а? Я всегда говорил — прижимать нужно вашего брата и будет результат! Это ж надо, такую роскошную идею родить — лечение фаллопении!

— Алопении, Юрий Артемыч — подал голос зам по науке.

— А ты не перебивай! Один черт. Фалло, ало... Главное, до ума довести! Селюков, завтра чтоб перхоть привез для нашего ученого! И не два, а три килограмма!

— Юрий Артемыч, я с утра всех обзвонил, никто перхоть не предлагает. Может, ее и в продаже-то нет? — отозвался Селюков.

— От же ж, у всех замы по снабжению как замы, а у меня — Селюков. Лезбиян достал бы, и Гонадзе, не говоря уж про Гука и Левинсона. А мне Бог Селюкова дал. Слышь, Селюков, давай мы тебя уволим, а Лезбияна переманим, а?

— В течение недели достану, Юрий Артемыч.

Я переводил взгляд с одного на другого, и в бедной моей черепушке шестеренки туго, со скрипом проворачивались, снимая стружку с засохших извилин. «Это что же, они мою пьяную бумаженцию приняли за чистую монету? И что теперь делать? Вот теперь — в самом деле беда. Если сказать, что в служебной даже и не надувательство, а издевательство, то съедят немедленно. Прямо тут. И не надейся, что прирежут и зажарят. Нет,

будут живьем рвать на куски, вытягивать жилы и грызть горло. Выкручивайся, милейший».

И я стал выкручиваться.

Не буду врать, что у меня родился гениальный план. В тот момент я был бесплоден, как надгробие, и пуст, как свежая могила. Единственная здравая идея, под-сказанная инстинктом самосохранения, состояла в том, чтобы поддакивать. Ну и наглеть, разумеется.

— Юрий Артемыч, а давайте поручим мне все.

— Не борзей, Ирискин. Черт с тобой, перхоть ищи сам. И заявку на патент пиши, ясное дело. Кого включать, знаешь? Первым делом — владельца-благодетеля, в соответствии с договором. Меня включишь, потому что кто тебя натолкнул на идею? Я натолкнул. Ну и себя запиши, если хочешь.

— Я про план работ и финансирование...

— Будет, будет финансирование. Проси больше. От других работ урежем, тебе дадим. Сильно не зарывайся, конечно. Ну, и сроки — полгода на все, понял?!

— Помилуйте, Юрий Артемыч, там одних клинических испытаний на три года, да предварительные на лягушках...

— Ты в своем уме? Какая фаллопения, или как ее там, у лягушек? Об людях думай, Ирискин, смелее надо быть, ты же ученый!

Сам повернулся к менеджеру Родионову:

— Давыдыч, завтра принесешь план рекламной кампании новой продукции. Не будем ждать, пока этот вот, — он кивнул в мою сторону, — что-то родит. Будем работать на упреждение. Мое время — ваши деньги, господа! Идите и работайте!

Я попытался еще что-то вякнуть, проблеял про увеличение объема работ, но Сам лишь коротко рявкнул: «Зарплату и премию удвоим!» — и ткнул пальцем в дверь.

И я ушел, нервно похохатывая.

Следующие дни иррациональностью напоминали сон, в котором кошмары естественно соединились с воплощением самых несбыточных мечтаний. Я, наверное, впервые в жизни строил дальние планы на будущее, строил с какой-то мстительностью и холодным расчетом, одновременно имитируя реализацию совершенно невыполнимой задачи.

Тайный план был примерно таков: до последнего имитировать бурную деятельность, наглеть и выжимать из начальства максимальную зарплату и премии, складывая их в заглашник; найти новую «крышу», под которой можно было бы срочно и без помех защититься; подыскивать (не рассылая резюме, избави Бог!) новую работу; драть когти при первой же возможности, не дожидаясь, пока афера раскроется.

Пока что ситуация мне благоприятствовала, поскольку, по распоряжению Самого, работы моего отдела проводились в режиме секретности. Двери лаборатории и кабинета оборудовали страшными

замками, провели сигнализацию — и я уже радовался, тайно надеясь, что прелести лаборантки Нонны станут доступнее, но тут обнаружилось, что пространство простреливается глазом видеокамеры, и вопрос о нравственном падении отпал сам собой.

Рабочий план, утвержденный Самим, содержал пункты о приобретении перхоти, исследовании всяческих ее свойств, включая микробиологический состав и аллергенность, изготовлении дешевых искусственных аналогов, испытаниях на животных и добровольцах, разработке рецептур и технологии выпуска косметических препаратов и их сертификации. Рекламная же кампания и выбор дизайна косметики возлагались на менеджера Родионова.

Как ни странно, легче всего разрешился вопрос с перхотью. Стеклодувы-собутельники все за тот же спирт и по личной просьбе без вопросов натрясли на расстеленную полиэтиленовую пленку должное количество материала. Микробиологи не нашли в ней ни патогенов, ни аллергенов, а по составу сия субстанция являла собой всего-навсего чешуйки ороговевшей кожи с изрядной примесью сала, соли и мертвых бактериальных оболочек. Но одно дело — раздобыть перхоти для анализа, и совсем другое — найти источники промышленного сырья. Тут уже не хватило бы всех стеклодувов страны.

В субботу у нас дома были гости: пришел старинный, с университетских еще времен, приятель Колян Шибряев с женой. За чайно-пирожными посиделками я не удержался и стал плакаться Коляну в жилетку, упомянув и о перхоти.

Мой дружок — биолог, известность которого отчасти скандальна. Это он вывел расу медоносных тараканов, создал компанию по разведению генномодифицированных лягушек, мечущих осетровую икру, доказал, что пресловутые НЛО — это, как правило, стаи перелетных мух в период миграции. Эрудиция Коляна чудовищна, а связи обширны. Возможно, я надеялся на подсказку — и получил ее, и даже больше.

— Насколько понимаю, перхоть — частички эпидермиса, так?

— Они самые. Плюс жир, микробы.

Колян извлек из кармана мобильник, порылся в нем и показал фотографию:

— Она?

На экране я увидел снятую под электронным микроскопом перхоть.

— Она, Колян.

— Хватит полутора тонн в месяц?

— Спаситель! А почему?

— Сойдемся.

Оказалось, что пару лет назад Колян внедрил на кожевенной фабрике биотехнологию мездрения кож с помощью промышленного модификата вши лобковой обыкновенной. Руководство прыгало от счастья, но подсутились конкуренты. Они распустили слух, что шубы и сумки из продукции этой фабрики заразы.

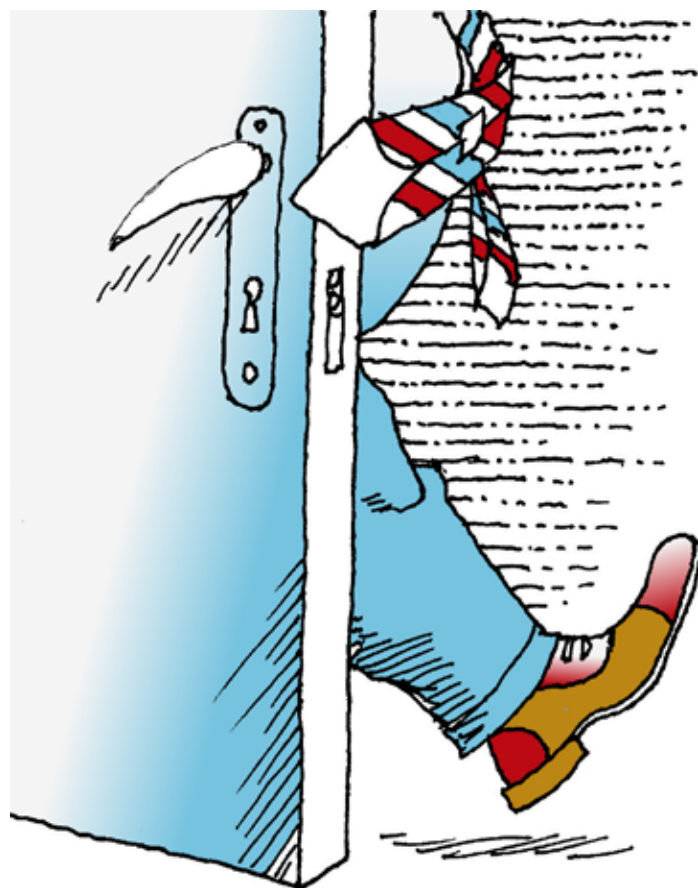
— Ты представляешь, как необразован и легковерен народ! — возмутился Колян. — Разве может нежное насекомое выжить в дубильной ванне с хромкалиевыми квасцами?

В общем, технологию приостановили на пару лет, до поры, пока скандал забудется. Однако на фабрику Колян периодически захаживал. Там была еще одна беда — в стоки во множестве попадали частички кож, слушаемые при мездрении, и санитарные службы лютовали, обкладывая данью.

Через месяц нам с Коляном удалось заключить сделку. Я передал кожевникам центрифугу, купленную на средства нашей фирмы. На центрифугу из цехов мездрения шкур и с двоильных машин подавали сточную воду и потом фильтр-прессом выделяли частички мездры, после сушки неотличимые от перхоти. Между прочим, заводик получил изрядную экономию на экологии и частью навару тайно делился со мной. Именно в эту пору я обнаружил, что отсутствие угрызений совести — восхитительное состояние, которое хочется воспроизводить снова и снова, а криминально добытая денежка слаще законно заработанной.

Директор еженедельно требовал от меня отчета, спрашивал, готова ли заявка на патент и всячески торопил. Во время одной из таких встреч он загадочно бросил: «Смотри нынче в десять по первому каналу!»

Вечером мы с женой смотрели телевизор, и во время рекламной паузы впервые прокрутили ролик, впоследствии ставший знаменитым. Вы, должно быть,

помните: в черно-белом фрагменте в стиле старого кино напوماженный бриолином герой падает на одно колено перед томной красавицей, та указывает ему на дверь, и в следующих кадрах герой приставляет револьвер к виску. Под звуки терзаемого тапером расстроенного рояля появляются титры: «Блеск волос решил мою судьбу. Прощайте, Элен, я умираю!» Вслед за этим диктор патетически восклицает: «Не хочешь быть один — покупай алоцидин!»

Позже появились и другие ролики. На одном из них маркиза де Помпадур признается в страсти нежной королю Франции, а тот высокомерно смотрит на нее сверху вниз сквозь лорнет; затем графиня в отчаянии пудрит парик — и вот уже король неистово любит графиню в разных интересных позах.

Теперь лысые здоровались со мной за руку; ма-нагер Родионов доверительно сказал, что количество интернет-запросов на алоцидин растет как снежный ком и пора бы выпустить пробную партию в продажу.

Удивительно, но к этому моменту все расходы по моей афере уже окупались. Реклама сработала, и в моду вошел шампунь «Матовая прелесть». Целая линейка таких шампуней выпускалась заводом нашей компании. Потребительницы щеголяли тускло-серыми прядками, в которых вдруг массово нашлась неизъяснимая прелесть. Моя Галька тоже обзавелась таким, и я с удивлением обнаружил, что пепельный налет на ее прическе мне нравится — вот что значит толковая реклама!

Между тем я начинал призадумываться: а так ли безумна моя авантюра, как казалось поначалу? И нельзя ли получить от нее дополнительные бонусы?

***

Как-то летом я встретил в буфете двоих моих коллег, начальников других отделов, и предложил им поболтать вдали от начальственных взоров «за рюмкой чая» на предмет укрепления научной кооперации. Те согласились. Местом встречи, естественно, снова стала стеклодувка. Борис Иванович и Сергей Сергеич, героические доноры перхоти, всегда были рады гостям, тем паче, что помимо ректификата ожидался коньячок.

Шум негасимых горелок и хмельное добродушие хозяев способствовали доверительности. Мои более опытные коллеги обрадовались возможности поучать и вразумлять меня, сирого, и вещи, которые мне были поведаны, оказались поразительными.

Так, отдел, занимавшийся разработкой препаратов гиалуроновой кислоты, никогда с этой кислотой дела не имел. Вернее, таковая присутствовала, но в количествах гомеопатических и лишь для того, чтобы недреманное око государства не могло мигнуть своим церберам на предмет «хватать и не пущать». Взамен оной кислоты мази, растворы и прочие снадобья обильно сдабривали обычным крахмальным клейстером на гипертоническом растворе.

— А что, думаешь — хуже гиалуронки? И та воду держит, и крахмал тоже. Вот и косметический эффект. Есть, конечно, и еще кое-что...

— Что?

— Поживешь — узнаешь! — И он ехидно подмигнул мне.

— А ботокс?

— А что — ботокс? Кто с ним станет связываться, с токсином ботулинуса? Не дай бог!

— А колют-то что?

— Новокаин, вот что!

— Но ведь эффект есть?

— Разумеется. Твоя жена колола ботокс? Ты ее и расспроси, она подтвердит то, что скажу. Вот, скажем, пришла твоя благоверная к косметологу, насмотревшись рекламы. Скажи ей, что при такой цене толку от процедуры не будет, и она тебя на части порвет. К тому же она сама видела, как у подружек после ботокса морщинки расправились. И садится она в кресло, а добрый доктор в морду ей иголкой тык, тык... А потом спрашивает: «Ну как, голубушка, чувствуете, как лобик деревенеет, скулки расслабляются, губки отмякают?» А как ей не почувствовать, коли ей раствор новокаина по всей морде раскатали? И голос у доктора такой ласковый, доверительный... И вот уже жинка твоя прониклась до самой подкорки, свято уверовала, что мимические мышцы у ей на полгода атрофировались, и топает домой с мордой расслабленной. И ходит она с такой раскисшей физиией неделю, другую, а потом морщинки сами собой разглаживаются, и делается твоя благоверная немислимой красавицей.

— Это что, гипноз, что ли?

— А считай как хочешь. Но я тебе вот что скажу: половина препаратов в аптеках работают только вместе с такой вот обработкой клиента. А уж всякие БАДы держатся только на психологии. Но ведь помогают же, а?

Я пожал плечами:

— Ну помогают. Но ведь это обман? А как же разрешение Минздрава, а клинические испытания?

— Ну ты и наивный, Ирискин. На всей нашей продукции что написано? А написано, что БАД лекарственным средством не является. А это уже совсем другой уровень сертификации, и достаточно липового протокола, чтобы все как по маслу прокатило. А потом, коли карта ляжет, будут эту туфту хавать, мазать и колоть, принося нашим хозяевам немеренные бабки. А уж тебе-то от этого мало что перепадет. Хорошо, коли не уволят.

Хозяева, пристроившись у колпака вытяжки, покуривали. Коньячок шел отменно. Выпили еще, потом даже спели что-то залихватское из студенческой песенной поры. А я все думал о чем-то, подозревая, что самое важное мною упущено и надо бы подстелить соломки, пока не грохнулся.

...На очередном техсовете Сам прилип, как банный лист: когда будет готова заявка на патент? Я, видя, как складываются дела, в последние месяцы проникся к Самому чем-то, похожим на уважение: в таком навозе он

сумел разглядеть жемчужину — это надо иметь талант! Его спешка с патентом была понятна. Все прочие продукты мы производили по лицензиям, а иметь приоритет на новый товар — это и иной уровень престижа, и совсем другие доходы. Но вот только мне-то что от этого перепадет? А ничего. В типовом договоре сказано: результаты интеллектуальной деятельности сотрудника являются собственностью компании. Я имею право называть продукт своим именем и требовать премию — и ее имеют право мне дать. Равно как и не дать. Но такой шанс выпадает раз в жизни, въехать в рай на известной козе. И надо им воспользоваться.

Дома я (не без помощи Галки) разыскал копию своего трудового договора, и тут обнаружилось чудо, которое так любят третьеразрядные писатели: то ли в отделе кадров мне при приеме на работу дали по ошибке старый бланк, то ли в ту пору пункт об интеллектуальной собственности еще не был прописан — но оказалось, что я ничего и никому не должен. И я немедленно сел за написание патента.

Приходилось ли вам заниматься патентованием? Это, скажу вам, такое нудное и тонкое дело, по сравнению с которым написание «Анны Карениной» — семечки. Вот уж где «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Граф Толстой, при всем его занудстве, был витием и порошным балаболом по сравнению с автором любого патента. Одно неверно вставленное слово может все пустить насмарку. Важно не только не упустить чего-либо, но и не брякнуть лишнего, пересекающегося с уже известным. Формулировки должны быть отточены, как шведская бритва, и точны, как оптический прицел. Слава богу, в свое время мне пришлось изрядно пошлифовать умение патентования — но никогда еще дело не было настолько ответственным.

Я написал ДВЕ заявки на патенты, в одной в качестве патентообладателя фигурировал владелец компании, а авторами были мы с Самим. Или с Самом, если угодно. Во второй же заявке и автором, и патентообладателем был только я. Хитрость состояла в том, чтобы патенты соответствовали разным классам и, соответственно, попали к разным экспертам, дабы не сталкивались между собой. В первой заявке я намеренно наделал ошибок, малозаметных для неискушенного взгляда. В этом был определенный риск, поскольку именно такой эксперт в силу закона подлости мог и попасться — неискушенный и не въедливый. Разумеется, первой я отправил свою заявку, дабы застолбить приоритет, а потом уже направил и заявку от фирмы. Расчет был на то, что в случае успеха я сорву банк, а при провале терять будет все равно нечего.

Риск был невелик, потому что патентной перепиской, кроме меня, никто не занимался, а все, что было связано с моей заявкой, высылалось из патентного ведомства на мой домашний адрес.

Собственно, на этом рассказ можно было бы и закончить, поскольку последующее шло по пути,

усыпанном розами без шипов. Я благополучно довел до ума оба патента, менеджер Родионов выбил нужные сертификаты, и продажа перхоти началась. Успех был колоссальный. Угваздываться перхотью стало модно, она выпускалась всех цветов радуги и разной степени липкости, она была лечебной и профилактической, с разными отдушками и витаминами, в порошке, мазях, присыпках, напитках, аэрозолях и спреях. Платья и костюмы шили под цвет перхоти. В моду вошли двуцветные пиджаки с плечами колера «пепел Везувия».

По телевизору доктор Малышева всюю перевозносила пользу перхоти. Количество исцеленных от алопеции было огромно, и статистика однозначно доказывала эффективность препарата. Депутаты, артисты, военные и прочая публика сменили плечи на шевелюры разной роскошности.

Владелец компании потирал ручки, ожидая, когда денежные речки сольются в безбрежную Амазонку, а со всех сторон из-за бугра шли предложения купить лицензии.

Я же стал никому не нужен. В один прекрасный (в самом деле прекрасный) день Сам вызвал меня, поведал о щедрой — аж пятьсот баксов! — премии и предложил написать заявлении об уходе по собственному. В его позе читалось ожидание скандала, но я с такой готовностью согласился, что Сам явно растерялся. Я сидел в его кабинете и писал заявление, писал крупно, разборчиво, уверенно, и хихикал про себя. А затем удалился, пожелав Самому доброго здоровья и пообещав скорую встречу.

И встреча состоялась. В суде, помахивая своим трудовым соглашением и бланком НИИ патентной экспертизы, я как дважды два доказал свой приоритет по заявке и преимущество моего патента, и суд подтвердил мое право делать с перхотью все, что захочу. Руководство было в панике, владелец метал молнии — а я был невозмутим. К моей совести зывали — я апеллировал к правосудию и тряс судебным решением. Мне предлагали денег — а я хотел крови и еще больше денег. И наконец, ко мне приползли скуля, с белым флагом, поднятыми руками и пресловутой тарелочкой с голубой каемочкой в зубах. Победа была полной и несомненной.

Что остается добавить? Я не пользуюсь продукцией руководимой компании. Лысина моя обширна и блестяща, а по утрам живот появляется в дверях приемной намного раньше меня. Я научился рычать и топтать ногами и всякое совещание заканчиваю примерно так: «Мое время — ваши деньги! Самыгин, Селюков, распустились, понимаешь! Идите и работайте!»

И только два человека входят в мой кабинет без стука и в любое время, и только для них в шкафу припасен графин сомнительного ректификата, а из буфета секретарша Нонна приносит коробки с салатами и карандаши сырокопченой колбасы. Это стеклодувы Борис Иваныч и Сергей Сергеич.